

Август 08

На работе больным сказался. Я на кресле тогда всю ночь и просидел. Пачку сигарет выкурил, аж затошнило от дыма. В комнате — словно туман повис, вздохнуть тяжело.

А утром встал, кости затекшие размял, поясницу помассировал и в голове у меня словно спусковой механизм щелкнул. С таким специфическим звуком, когда патрон в ствол догоняешь и курок взводишь. Будто потерянный пазл на место встал и мозаика сложилась.

Кто мог мне тот диск на столе оставить? Кроме Виталика некому. То-то он мне толком ничего и не сказал. Как друзья должны реагировать? Помогать тому, кто в беду попал. А этот только сопли по телефону жевал.

А если это Виталик, тогда он и содержимое знал, не иначе.

Прошел в кухню кофе себе налить, да вместо кофе бахнул в кружку неразбавленного виски. Выпил залпом и опять задумался. Если поверить Аньке, то... То все еще можно забыть, вернуть, простить. Уродов тех я, конечно, найду. Каждому хрен его грязный оторву и в глотку заботливо забью. Чтобы наверняка. Но...

Вот почему в любой момент вылезает это самое «но»? Схватил я диск снова, поставил на комп и к монитору прилип. Противно было так, что слюнями захлебывался, но смотрел внимательно, не отрываясь. Запись была короткая — минут пять, не больше. Сначала один из них мою жену плеткой по бокам охаживал. До того, что она извивалась. Второй в это время сзади, со спины чем-то работал. А третий за соски все время дергал. То-то вспоминаю, что грудь у нее была воспаленная. Простыла, как мне сказала. Все чем-то мазала, чтобы болело не сильно.

Бац, есть! Поставил на паузу, изображение увеличил так, что оно крупными пикселями пошло, но электронные часы с датой я на полке позади этой великолепной четверки узрел. Неделю назад это было. Ровно в тот самый день, когда у меня хрен на нее напрочь упал.

Как-то странно она прореагировала на изнасилование. В тот же вечер ко мне клеиться начала. Ну, допустим... Если где-то в области действует группа извращенцев, то должны быть потерпевшие. Должно быть хоть одно заявление. Не убивают же этих несчастных, в конце концов. Моя-то вон вовсе живая, даже слишком, после такого приключения.

Набрал я номер одноклассника — оперативного мента и вопрос ему этот задал.

— Нет, — ответил он мне через час после звонка, — не было таких заявлений. Даже близко. Да и как в нашем болоте такая фигня случиться может?

Вот и может, одноклассник Гришка. А если случилось, то означало только одно: все было по согласию. Ни следов от побоев я у нее на спине не заметил, ни сильных болей (кроме сосков). Значит, били играючи, не кожаными плетями, а подделкой.

И вот тут мне поплохело основательно. С кем я прожил тринадцать лет? От кого детей на свет родил? И где мои глаза раньше были? Да понятно где — в Анькиной манде. Натянул протухший пельмень до самых ушей и ни хрена вокруг не видел. Следовательно прокуратуры называется. Под собственным носом собственную жену втроем ебут.

Бутылку виски я ту допил. А как допил, так песни пьяные орать начал. И «Ой, мороз, мороз», и «Выходили из избы деревянные жлобы». А как проорался, так опять Виталика набрал. Здесь уж я до сотни считать не стал. Просто набрал и все. И тупо слушал, как автомат

отвечает: «Временно недоступен, перезвоните позже».

Позвонил на работу, на работе ответили, что следователь Копытко два часа назад убыл в командировку в Киев. Чует, падла, что жареным запахло.

Хотел помыться после бессонной ночи, да в дверь затрезвонил какой-то идиот. Я настежь распахнул, хотел рывкнуть этим «Свидетелям чего-то там Страшного» чтобы проваливали, да на глаза отца взглядом натолкнулся. А за спиной моего папашки усердно пряталась моя женушка.

— Выходи, давай, — весело сказал я. — Чего шкеришься, как неродная какая-то?

Та уже шаг сделала, чтобы выйти, но папаня ее опять за спину задвинул.

— Ты что творишь, негодник? — начал он. — Жену, Богом данную, посреди ночи почти голой выгнал.

И засопел, засопел, как индюк. Вот-вот и за ремень схватится, как в детстве мокроносом.

— Брось ты это дело, папаня, — говорю ему ласково. — не твое оно, поверь.

Анька за его спиной совсем в комок сжалась, только поскуливает тихо.

— Где дети? — спрашиваю ее.

— У моей матери.

— Завтра же чтобы дома были. Сама можешь убираться к тем троим, что тебя так своеобразно любят.

Папа и вовсе цветом радуги пошел.

— Да как ты смеешь? — заорал пожарной сиреной.

Да и сам на пожарку стал похож. Ей-Богу, вас всех что, заклинило на этой фразе? И смею, и имею, и делаю.

— Дай хоть вещи возьму, — жалобно попросила Анька.

А вот это завсегда пожалуйста. Я посторонился, их в квартиру запустил и ухмыльнулся, когда увидел, что они уже с пакетами прибыли. Готовились, значит. Ну-ну.

Я мешать им не стал, пошел на кухню покурить. Минут через десять как черт меня дернул зайти посмотреть: что же они там собирают. Стоит моя Анька в позе «зю» у серванта и кидает в пакет дедовские награды с войны. У меня прямо речь отнялась.

— Э, — заорал я, когда прокашлялся, — тормози на поворотах. Это куда?

Анька обернула и так удивленно мне отвечает:

— Ты же сам сыну говорил, что это его. А дочке обещал бабушкино золото. Я его тоже возьму, ты не против?

У меня глаза, как шары стали. Я от такой наглости даже задохнулся.

— Иди-ка сюда, — поманил я ее пальцем. — Не бойсь, бить не буду. Ты же знаешь, я женщин не бью.

Анька подошла почти вплотную. Я запах своих любимых духов учуял и меня просто передернуло. Вспомнил разом, почему неделю на полу спал. Воняло от нее. Чужими самцами воняло. От нее и раньше несло, но в тот раз как-то по особенному сильно. Потому она на всяких дезодорантах и прочей хрени просто помешана была.

Я пальцами ее за подбородок взял, она глаза чуть прикрыла, и я короткой подачей нос-то ей и сломал. Так просто вышло, сам от себя не ожидал.

Она за носяру схватилась и гнусавым голосом запричитала:

— Убиваю-ю-ю-ю-т!

Папа из другой комнаты ракетой примчался. Тут же ее утешать — обнимать бросился. По

плечу поглаживает, в лицо заглядывает.

— Садист натуральный, — повернулся он ко мне.

Я только ухмыльнулся. Это я-то садист? Да ты у своей разлюбимой невестки спроси, какие она специфические наслаждения предпочитает.

И вообще, задумался я вдруг, какого черта ты с ней носишься, как наседка с яйцами? Кто она тебе?

— Боря, — всхлипывала меж тем Анька, — за что он со мной так? Я же ни в чем не виновата. Меня же опоили, усыпили.

Боря?! И давно, интересно, она моего папу по имени называет? Ладно, недосуг мне с вами воландаться. Обоих вашей вытолкал и спать завалился.

Было это, значит, 6-го августа. А 7-го я рванул в Киев. Дюже захотел с Виталиком пообщаться. Молодость нашу вспомнить, пьянки совместные. То, как он меня, необстрелянного, учил показания брать. Вот сейчас я на нем его же школу и проверю.

Я не гордый, в столице гостиницы обошел. Прокурорским удостоверением в каждой светил. Наставник мой нашелся в пятой — «Крещатике». На третьем этаже поселился. Дверь мне открыл пьяный в зюзу. Как меня увидел, так назад подался.

Я дверь тихонько за собой прикрыл, его за грудки схватил и осторожно так к стенке прижал. Зачем мне надо, чтобы он от страха раньше времени скопытился?

— Послушай меня, Виталя, — начал я задушевым голосом, — только не говори потом, что ничего не слышал. Сейчас ты мне внятно расскажешь, как тот поганый диск оказался на моем рабочем столе. И не дай Бог тебе соврать. Ты меня знаешь, я вранье за версту почую.

Виталик, было, к оружию рванулся, но пьяный, что с него взять. За складку на ковре зацепился и распластался, как матрац. Я пистолетик-то сам уже в комнате достал, когда через наставника переступил. Мерзавца этого на мушку взял и улыбнулся. Широко так, от всей своей большой души. Я, вообще, парень добрый. Иногда даже слишком. Помню, как один бизнесмен у меня под столом свои собственные показания жрал. Так я вместо того, чтобы его промеж лопаток вдарить, от чистого сердца чайку налил. Ну, чего всухомятку исписанной бумагой давиться. Не знал, болезный, что показания в копии были. Что дали почитать, то и сожрал.

Виталик харю опухшую приподнял, на меня недобро посмотрел:

— Чего узнать хочешь, злыдень?

— Все, — с чувством ответил я.

— Уверен? — чуть осмелел этот наглец.

— Более чем, — заверил его я.

А пистолетик так и держу. Мало ли, что этому алкашу придумается.

Лучше бы не спрашивал. Виталик к чемодану подошел, замком щелкнул и таких дисков, как у меня, с десяток на стол вывалил. Ноут открыл, первый попавшийся туда всунул.

— Мы не всегда были в масках — говорил он мне. — Иногда ей хотелось предельной откровенности.

Они драли ее жестко. Так, как не трахал никогда я. Во все дыры. По очереди и одновременно. Виталик, мой папа и пастор.

— Твоя Анька до замужества была «плечевой». Подрабатывала с дальнобоями на дальних трассах.

Голос Виталика шел закадровым переводом. Я смотрел, не отводя взгляда. На ту, которая

обещала мне перед алтарем быть верной. А я ведь достался ей почти нецелованным. Все ждал единственную. Ту самую, с которой до гробовой доски; в печали и радости; в болезни и здравии.

— Почему я об этом не знал? — спросил я Виталика.

— Мы так договорились, — ответил из-за плеча его голос. — О молчании. Ей всегда было мало. Даже нас троих мало, а ты... Ты трахал ее часами, она сама хвасталась. Только слишком нежный был, с ней надо было пожестче. Слушай, ответь, как мужик мужику: ты что-то принимаешь? Как можно три часа работать без перерыва?

Я перевел на него невидящий взгляд. Виталик шарахнулся в угол, опять споткнулся, рефлекторно схватился за меня, чтобы не упасть. — Я просто забыл запись, — забормотал он. — По пьяни забыл, прости меня...

И тут... наверное, тоже рефлекс сработал. Я руку протянул (а у меня не рука — ручища. 188 см. роста), да легонько цыплячью его шейку сжал. Ровнехонько, где артерия бьется. Виталик глаза закатил, да как подкошенный рухнул.

Я диски собрал и слинял домой. Там матери позвонил (она с отцом в разводе), попросил, чтобы детей к себе на несколько дней взяла, а сам устроил себе круглосуточный просмотр эксклюзивного порно.

До сих пор смотрю. Мне надо каждую деталь рассмотреть, каждое движение запомнить. Лица их свинячьи в памяти выжечь каленым железом. Каждый вздох, каждый жест, каждую улыбку.

Ибо... потому что участь сынов человеческих и участь животных — участь одна: как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом, потому что все — суета! Екклезиаст.

Пришла пора кое-кому умирать.

Как обычно: авторские права защищены.